

ДУХОВНАЯ РОДИНА ВАСИЛИЯ РОЗАНОВА

В июле 1870 г. к Симбирску подошел пароход с Верхней Волги. С его борта сошли на берег три родных брата Розановы. Старший, Николай Васильевич (1847-1894), недавно распределенный на работу учителем русского языка и словесности в местную мужскую классическую гимназию, привез с собой Василия (1856-1919) и Сергея (1858-?). Он сделал это по просьбе умирающей матери.

Ни о каком другом провинциальном городе России В.В. Розанов так много не писал на протяжении всей своей жизни, как о Симбирске: в письмах, автобиографии, «Опавших листьях», «Уединенном», «Смертном», в «Русском Ниле». В нашем городе он провёл всего два года, но, как оказалось, исключительно важных в становлении его личности: «...и никогда я (и мои наблюдаемые товарищи) не читал и не читали столько, сколько тогда в Симбирске читали, списывали, компилировали, спорили... Такой воистину безумной любознательности, ... как в эти годы, я никогда не переживал».

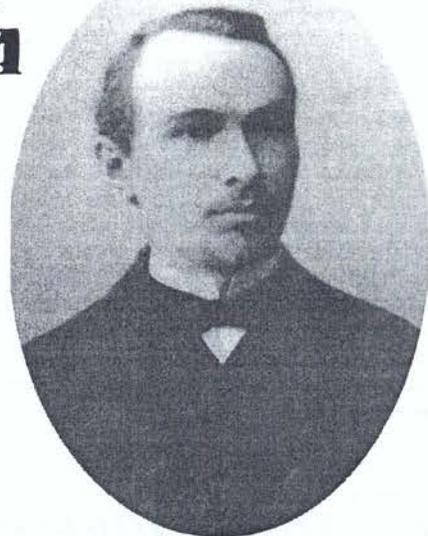
«Симбирск, - писал исследователь В. Сукач, - был для Розанова «духовной родиной». Свою отроческую жизнь здесь он описал ярко, с большой памятью о событиях и о тех тончайших движениях, какие обнаруживает душа, когда у нее «растут крылья». Биография Розанова стоит на «трех китах», на трех связях. Это его три родины: «физическая» (Кострома), «духовная» (Симбирск) и, позднее, «нравственная» (Елец)». «Детство мое, - писал Розанов в «Русском Ниле», - все прошло на берегах Волги - детство и юность. Кострома, Симбирск и Нижний - это такие три эпохи переживаний, каких я не испытывал уже в последующей жизни». «По сравнению с Костромой, в Симбирске началось уже «все другое»: другая погода, другая жизнь. Я сам весь и почти сразу сделался другим. Настал «второй век» моего существования. Именно «век», никак не меньше для маленького масштаба, который жил в детской душе».

В Симбирске Василий вышел из «мерзости запустения». Сразу ли это произошло? Нет. Исключительно важную роль в развитии личности философа сыграла Симбирская мужская классическая гимназия. И не столько как учебное заведение, которое он делил на «мир света» и «мир тьмы», но как сообщество критически настроенных к российскому укладу жизни интеллектуальных юношей. «Старшие

классы этой гимназии, - вспоминал пятидесятилетний философ, - в которой я знал много учеников, конечно, «читали уже сознательнее и серьезнее, чем мы, и, не вмешиваясь, молча мы прислушивались к их спорам».

Юному Василию повезло: он был допущен на «сборные ученические квартиры», где наряду с учениками второго и третьего классов собирались старшеклассники, ученики 6 и 7 классов. Там он узнавал о книгах, никогда не рекомендуемых к чтению гимназическими учителями, внимательно вслушивался в смелые споры старших товарищей. Василий рос духовно, и это помогало ему преодолевать комплекс неполноценности, которым он страдал в Симбирске. «Такая неестественно отвратительная фамилия, - писал Розанов, - дана мне в дополнение к мизерабельному виду. Сколько я гимназистом проставивал (когда ученики разойдутся из гимназии) перед большим зеркалом в коридоре - и «сколько тайных слез украдкой» пролил. Лицо красное. Кожа какая-то неприятная, лоснящаяся (не сухая). Волосы прямо огненного цвета (у гимназиста) и торчат кверху, но не благородным «ежом» (мужской характер), а какой-то поднимающейся волной, совсем нелепо и как я не видал ни у кого». И тут же: «меня замечательно любили товарищи...».

Кто же они, симбирские товарищи Розанова? Кого и что он относил в Симбирске к «миру света»? Это братья Николай и Сергей, старший товарищ Н.А. Николаев и его друзья, а также одноклассники и ровесники. «Из учеников старших классов, - писал Розанов в «Русском Ниле», - вот этих отшатнувшихся от начальства и вступивших в новый строй, - я помню Михайлова, Викторова, Расторгуева, Есипова, но особенно - братьев Беклемишевых, из которых младший был моим товарищем. Из своих товарищей, выходявших в «новые люди», - помню двух братьев Баудер, Рупе (сын местного аптекаря) [правильно Рунне. - С.П.] и особенно Кропото-

ва». В.В. Розанов не забыл упомянуть ни одного своего однокашника, и это через тридцать пять лет после окончания гимназии! В «Автобиографии» он писал о Николае Алексеевиче Николаеве: «Как влияние матери было первым впечатлением, определившим в значительной степени мой характер, так его влияние было первым, под которым сложились мои самые ранние умственные убеждения».

В «Русском Ниле» Розанов еще раз высоко оценивает роль Николаева в формировании своей личности: «Разумеется, невозможно было самому все это проделать, но, на счастье, я плохо учился, выйдя совершенным «дичком» из мамашинного гнездышка, и для меня взят был «учитель», сын квартирной хозяйки, ученик последнего класса гимназии Николай Алексеевич Николаев. С благоговением пишу его имя теперь на старости лет...».

Но Розанов не был бы «протеем», если бы и о Николаеве, и о его товарищах, и о Симбирске не высказал бы прямо противоположного мнения. В письме к гимназистскому товарищу В.Ф. Баудеру он писал: «Ты далеко не знаешь всей тяжести моей жизни в Симбирске. Те два года, которые я прожил там, я никогда не забуду; они наложили свой отпечаток на мой характер, совершенно исковеркав его. Это проклятая жизнь у Николаевых тяжело отозвалась на моей вообще очень впечатлительной натуре. Ты не можешь представить себе, что за гадина была эта Ольга Ивановна, о которой я и теперь не могу вспоминать без чувства сильнейшего негодования и глубокого презрения... К этому присоединилось еще странное обращение Николая Алексеевича; я убежден, что он знал о моей впечатлительности, прямо вытекавшей из живости моего

характера (которым я обладал в первое время моей жизни в Симбирске), и, однако, часто сам подливал масла в огонь. Что он думал этим сделать? Хотел ли он меня закалить, сделать нечувствительным? Это, я знаю, в духе наших реалистов... Ты помнишь, когда я был в 3-м классе, я уже не был тем веселым, беззаботным мальчиком, каким ты знал меня во 2-ом...».

Таким образом, наставник Николаев с товарищами оказался у Розанова одновременно в «мире света» и в «мире тьмы». К «миру света» относились и некоторые учителя классической гимназии. Это, прежде всего, старший брат Николай, учитель математики и физики В.А. Ауновский, учитель немецкого языка Я.М. Штейнгауэр, учитель истории, географии и греческого языка И.Я. Христофоров. К «миру света» относил Розанов и симбирскую Карамзинскую библиотеку: «Да будет благословенна Карамзинская библиотека! Без нее, я думаю, невозможно было бы осуществление этого «воскресения», даже если бы мы и рвались к нему».

К «миру тьмы» Розанов относил казенный дух гимназии, директора Вишневого, преподавателя латинского языка Кильдюшевского, преподавателя математики Степанова и им подобных учителей. «У нас в гимназии, - вспоминал Розанов, - при Вишневском и Кильдюшевском, с их оскверняющим и оскорбляющим чиновничьим, от которого душу воротило, заставляли всей гимназией перед портретом Государя петь «Боже, Царя храни...». Нельзя каждую субботу испытывать патриотические чувства... Все мы знали, что это Кильдюшевскому нужно, чтобы выслужиться перед губернатором Еремеевым: а мы, гимназисты, сделаны орудиями этого низменного выслуживания. И, конечно, мы «пели», но каждую субботу что-то улетало с зеленого дерева народного чувства в каждом гимназисте: «пели» - а в душонках, маленьких и детских, рос этот желтый, меланхолический и разъяренный нигилизм. Я помню, что именно Симбирск был родиной моего нигилизма...». Нигилизм этот выражался не только в неприятии официальной казенщины, но и в полном равнодушии к окружающей природе и местной культуре.

«В гимназии, - вспоминал Розанов, - мы питали (Бог весть, почему) презрение ко всему русскому, вернее, ко всему «своему», «близкому», «здешнему», - переменяли имена свои на чужие... Тогда я не знал ничего о Симбирске, о Волге (только учили - «3600 верст», да и это в IV классе). Не знал, куда и как протекает прелестная местная речка, любимица горожан Свяга... Учась в Симбирске, - ничего о Свяге, о городе, о родных (тамошних) поэтах - Аксаковых, Карамзине, Языкове; о Волге - там уже прекрасной и великой».

Недавно Василий Розанов «вернулся» в Симбирск и в гимназию, оставившую у него полярные воспоминания: в музее «Симбирская классическая гимназия» создана посвященная ему экспозиция. Выдающийся мыслитель П.А. Флоренский, чьи родственники проживали и похоронены в Симбирске, духовником которого был симбирянин епископ Антоний (Флоренсов), писал: «Под гениальностью, в отличие от талантливости, я разумею способность видеть мир по-новому и воплощать свои совершенно новые аспекты мира... В жизни я встретил 3 человека, за которыми признал гениальность: Розанов, Белый, Вяч. Иванов».

Сергей Петров

фото конца 1880- начала 1890-х